

МНЕНИЕ

«Клоун — это tupo!»

Монолог Джанго Эдвардса, одного из самых знаменитых и взрывоопасных клоунов мира

Photo: jangowards.fr

12:05 09 января 2017

корреспондент

Он клоун без тормозов: раздевается на сцене, эпатирует, пошло шутит. О нем говорят: бесстрашный и безвкусный. Джанго проводил международный фестиваль дураков, а сейчас учит быть дураками других — например, Славу Полунина, — в своем клоунском институте. Я попросила Джанго рассказать, как оставаться свободным, даже если ничто к этому не располагает. Кому, как не клоуну, знать об этом.

— Клоун сегодня — солдат. Солдат человечности, борющийся за всеобщую свободу, освобождение всех.

Меня часто спрашивают: «Джанго, ты клоун, клоуны — грустные люди, ты носишь маску?» Но я не прячу ничего — ни тело, ни мысли.

Клоун — это отражение мира вокруг него, и этот мир грустный. Я хотел быть журналистом, когда был моложе. Но быть клоуном эффективнее: люди читают какие-то статьи, даже понимают их, но не запоминают, в них ничего не откладывается.

Клоун приносит смех. Люди смеются, запоминают это, приходят домой и осознают: «Господи, да это же ведь не смешно...»

Я играю везде: перед россиянами, китайцами, американцами, австралийцами, болгарами. Я играл перед сирийскими беженцами в Вене, я играл перед королевой Голландии, играл для Rolling Stones, выступал на частных вечеринках. Знаешь, почему? Потому, что все нуждаются в смехе.

Где бы я ни выступал, моя профессия — балансировать на грани, немножко заступать за черту. Людям нравится то, что я делаю, потому что я иду посередине, не кренясь влево или вправо. В своих номерах я изображал животных, мачо... Пока не понял, что самый не исследованный элемент на Земле — женщины. Клоуны и женщины живут эмоциями. Женщины — лучшие клоуны в мире. Но их не так уж и много на сцене — это от того, что женщины социально уровнем ниже, мужчины довлеют над ними.

Люди рождены свободными. В момент рождения у тебя нет государства, религии, денег. Даже кредиток нет. Нет обязанностей, ревности, конкуренции. Всем этим вещам учат нас люди у власти, которые хотят руководить нами. Но в первоначальном виде мы все одинаковы.

Улыбка ребенка — это красота в ее непорочности. У тебя есть дети? Нет? Позвони мне, когда захочешь детей.

Рассказать вам, как быть клоуном в этом мире, где мы все рождены клоунами?

У каждого человека в мире есть миссия, и она состоит в том же, в чем и у клоуна. У меня вот есть обязанность — помочь одному человеку, лишь одному. Если каждый в мире попытается помочь хоть одному человеку, мир изменится.

Но чтобы сделать это, сначала нужно помочь самому себе. Ты должен понять, кто ты такой. Узнавать правду очень больно. Мы врём себе о самих себе. Но если ты согласишься на себя без прикрас, ты будешь знать, что нужно в себе изменить.

Вот вам упражнение. Вы просыпаетесь утром, идете в ванную... Остановитесь около зеркала и улыбайтесь в течение одной минуты. Вы боитесь сделать что-то неправильно в жизни, поэтому вы не улыбаетесь. Попробуйте улыбаться — и всё наладится.

Или еще. Когда ты встречаешь кого-то, вместо того, чтобы трясти его руку, целовать в щеку, — обними его и держи в объятиях 30 секунд. Ты почувствуешь биение сердца, пульсацию крови. Это такие простые штуки, это так просто, но это так важно.

Улыбнитесь и посмотрите, что произойдет. Если хоть один человек улыбнется в ответ, вы победили.

Радость — это провокация. Быть радостным сейчас — значит быть в меньшинстве.

**Как зовут редактора вашей газеты? Дмитрий?
Буду называть его Мити!**

Мити ждал от меня чего-то радостного для новогоднего номера, потому что я самый радостный человек в мире. И в этом его победа! Это значит, что ваша газета смотрит вперед, она развивается, движется.

Я знаю про Михаила Горбачева, он великий человек, умный малый. Но такой склад ума днем с огнем не сыщешь теперь в вашей стране. В вашей газете — да, на политической сцене — нет. Хотите, я для вашей газеты колонку буду писать?

Контакт между людьми — это то, что сейчас тоже не востребовано. Мы попали в западню интернета. Даже в СССР мне нравилось, что там был контакт между людьми. Да, они общались «подпольно» — на кухнях, дома, но они знали друг друга, ходили в гости. Сейчас все отрезаны друг от друга.

Я приехал в Советский Союз во время перестройки, в 1985-м, и привез вкус свободы. Не американской, а свободы общечеловеческой.

Я готовил провокационное выступление, но Слава Полунин советовал мне не трогать политику и даже запретил раздеваться. Я начал выступать: три минуты классической клоунады — все хохочут, всем классно. Шутка про пенис — и тишина. В конце я говорю зрителям: «Я из Штатов, нас там всех в школах учат, что вы наши враги». Тут уж все совсем перестали смеяться. Из-за кулис я увидел, как Полунин скривился, и понял: это было лишним. Славе долгое время после этого не давали выступать, меня выслали из страны.

Сейчас я езжу в Россию, но мне здесь очень трудно. Я проводил мастер-класс в Санкт-Петербурге: вроде в зале 50 клоунов, но как посмотришь: ни одного живого, сплошные клише.

В слове «клоун» столько возвышенного, духовного. А сегодня у вас в стране быть духовным — значит делать то, что угодно правительству.

Однажды я спустился в московскую подземку. Я начал смеяться на весь вагон, люди не могли просто отвернуться, один за одним они начали подключаться, как по цепочке. Началось все с одного парня, когда ему пора было выходить, весь вагон уже валялся от смеха. Главное в смехе — он непреодолимый.

То, что я делаю, — это провокация. Вот Павленский — он тоже провоцирует, но его ошибка, ошибка Pussy Riot в том, что они заняли определенную сторону, позицию, а я не имею на это права.

Клоун — это *tupoi*, понимаешь, что такое *tupoi*? Я тоже *tupoi*, но я в этом профессионал.